

Рассказ Дмитриевича Ушинского. Пчелы и мухи

Позднeю осeнью выдался славный денек, какие и весной на редкость: свинцовые тучи рассеялись, ветер улегся, солнце выглянуло и смотрело так ласково, как будто прощалось с поблекшими растениями. Вызванные из улья светом и теплом, мохнатые пчелки, весело жужжа, перелетали с травки на травку не за медом (его уже нeгде было взять), а так себе, чтобы повеселиться и порасправить свои крылышки.

— Как вы глупы со своим весельем, — сказала им муха, которая тут же сидела на травке, пригорюнясь и опустив нос. — Разве вы не знаете, что это солнышко только на минуту и что, наверное, сегодня же начнется ветер, дождь, холод и нам всем придется пропасть.

— Зум-зум-зум! Зачем же пропадать? — отвечали мухе веселые пчелки. — Мы повеселимся, пока светит солнышко; а как наступит непогода, спрячемся в свой теплый улей, где у нас за лето много припасено меду.

     (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

 Загрузка...

Сказки

Константина

Дмитриевича Ушинского. Жалобы зайки

Растужился, расплакался серенький зайка, под кустиком сидючи; плачет, приговаривает:

– Нет на свете доли хуже моей, серенького зайки! И кто только не точит зубов на меня! Охотники, собаки, волк, лиса и хищная птица: кривоносый ястреб, пучеглазая сова; даже глупая ворона и та таскает своими кривыми лапами моих милых детушек – сереньких зайчат. Отовсюду грозит мне беда; а защищаться-то нечем: лазить на дерево, как белка, я не могу; рыть нор, как кролик, не умею. Правда, зубки мои исправно грызут капустку и кору гложут, да укусить смелости не хватает. Бегать я таки мастер и прыгаю недурно; но хорошо, если придется бежать по ровному полю или на гору, а как под гору, то и пойдешь кувыркком через голову: передние ноги не доросли.

Все бы еще можно жить на свете, если б не трусость негодная. Заслышишь шорох, уши подымутся, сердчишко забьется, невзвидишь света, пырскнешь из куста – да и угодишь прямо в тенета или охотнику под ноги.

Ох, плохо мне, серенькому зайке! Хитришь, по кустикам прячешься, по заочкам слоняешься, следы путаешь; а рано или поздно беды не миновать: и потащит меня кухарка на кухню за длинные уши.

Одно только и есть у меня утешение, что хвостик коротенький: собаке схватить не за что. Будь у меня такой хвостище, как у лисицы, куда бы мне с ним деваться? Тогда бы, кажется, пошел и утопился.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

☐ Загрузка...

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Лиса Патрикеевна

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое; ушки на макушке, хвостик на отлете, шубка тепленькая. Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилет, а на шее белый галстучек.

Ходит лиса тихо-тихонько, к земле пригибается, будто кланяется; свой пушистый хвост носит бережно; смотрит ласково, улыбается, зубки белые показывает.

Роет норы, умница, глубокие: много входов в них и выходов, кладовые есть, есть и спаленки; мягкой травушкой полы выстланы.

Всем бы лисонька хороша была, хозяйюшка, да разбойница лиса, постница: любит курочек, любит уточек, свернет шею гусю жирному, не помилует и кролика.

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

✖ Загрузка...

Рассказ Константин Дмитриевича Ушинского. Дятел

Тук-тук-тук! В глухом лесу на сосне черный дятел плотничает. Лапками цепляется, хвостиком упирается, носом постукивает – мурашей[16] да козявок из-за коры выпугивает; кругом ствола obeжит, никого не проглядит. Испугались мураши: «Эти-де порядки не хороши!» Со страху корячатся, за корою прячутся – не хотят вон идти. Тук-тук-тук! Черный дятел стучит носом, кору долбит, длинный язык в дыры запускает: мурашей, словно рыбку, таскает.

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

✖ Загрузка...

Рассказ Константина Дмитриевича Ушинского. Пчелки на разведках

Настала весна; солнце согнало снег с полей; в пожелтевшей, прошлогодней травке проглядывали свежие, ярко-зеленые стебельки; почки на деревьях раскрывались и выпускали молоденькие листочки.

Вот проснулась и пчелка от своего зимнего сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подруг, и выглянули они в окошечко – разведать: ушел ли снег, и лед, и холодный северный ветер?

Видят пчелки, что солнышко светит ярко, что везде светло и тепло; выбрались они из улья и полетели к яблоньке:

– Нет ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для бедных пчелок? Мы целую зиму голодали!

– Нет, – говорит им яблонька. – Вы прилетели слишком рано: мои цветы еще спрятаны в почках. Попробуйте у вишни.

Полетели пчелки к вишне:

– Милая вишенка! Нет ли у тебя цветочка для голодных пчелок?

– Наведайтесь, милочки, завтра, – отвечает им вишня. – Сегодня еще нет на мне ни одного открытого цветочка; а когда откроются, я буду рада гостям.

Полетели пчелки к тюльпану; заглянули в его пеструю головку; но не было в ней ни запаха, ни меду.

Печальные и голодные пчелки хотели уже домой лететь, как увидели под кустиком скромный темно-синий цветочек: это была фиалочка. Она открыла пчелкам свою чашечку, полную аромата и сладкого сока. Наелись, напились пчелки и полетели домой веселешеньки.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

☐ Загрузка...

Рассказ Константина Дмитриевича Ушинского. Спор деревьев

Заспорили деревья промежду себя: кто из них лучше? Вот дуб говорит:

– Я всем деревьям царь! Корень мой глубоко ушел, ствол в три обхвата, верхушка в небо смотрится; листья у меня вырезные, а сучья будто из железа вылиты. Я не кланяюсь бурям, не гнусь перед грозой.

Услышала яблоня, как дуб хвастает, и молвила:

– Не хвастай много, дубище, что ты велик и толст: зато растут на тебе одни желуди, свиньям на потеху; а мое-то румяное яблочко и на царском столе бывает.

Слушает сосенка, иглистой верхушкой качает.

– Погодите, – говорит, – похвалиться; вот придет зима, и будете вы оба стоять голешеньки, а на мне все же останутся мои зеленые колючки; без меня в холодной стороне житья бы людям не было; я им и печки топлю, и избы строю.

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

✖ Загрузка...

Рассказ Дмитриевича Проказы старухи зимы

Константина Ушинского.

Разозлилась старуха зима: задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться: стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в теплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинута на зверей. Запорошила снегом поле, завалила сугробами леса; одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с елки на елку перепрыгивают, потрескивают да пощелкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы теплые, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупле орешки грызет; медведь в берлоге лапу сосет; зайка прыгаючи греется; а лошадки, коровки, овечки давным-давно в теплых хлевах готовое сено жуют, теплое пойло пьют.

Пуще злится зима – до рыб она добирается; посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озерам, по рекам мосты строят. Замерзли реки и озера, да только сверху; а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей еще теплее.

«Ну, стой же, – думает зима, – дойму я людей», – и шлет мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери так, что бревна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимой подсмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать, наденет он тулуп, валенки, рукавицы теплые, да как примется топором махать, даже пот прошибет. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись; от лошадей пар валит; извозчики ногами потапывают, рукавицами похлопывают, плечами передергивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребяташки – и те

ее не боятся! Катаются себе на коньках да на санках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают, да еще мороз кличут: «Приди-ка подсобить!» Щипнет зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют; а мальчик схватит снега, давай тереть – и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять: заплакала со злости. Со стрех зимние слезы закапали... видно, весна недалеко!

 (Голосов: **3**. Рейтинг: **2,67** из 5)

 Загрузка...

Рассказ Константина Дмитриевича Ушинского. Осень

Уже с 9 июля начинает понемногу убавляться день и прибавляться ночь. 11 сентября день снова равен ночи. Это день осеннего равноденствия и начало осени. С этого числа ночь все увеличивается и к 12 декабря становится втрое длиннее дня. В это время солнце едва покажется на небе и спешит спрятаться; в 9 часов утра еще темно; в 3 часа после обеда надобно уже зажигать свечи.

Облака почти не сходят с неба, и это уже не красивые летние облака, громоздящиеся серебряными горами или высоко бегущие по

небу серебристыми барашками: небо застилается все ровной пеленой свинцоватого цвета. С конца августа в воздухе начинает холодеть. Свежесть замечается особенно по утрам, а в сентябре появляются иногда и легкие морозы. Просыпаясь поутру, вы видите, как побелела трава или крыша соседнего дома. Еще немного – и лужи, которых осенью довольно везде, начинают по ночам замерзать.

Мелкие осенние дожди совсем непохожи на летние грозовые дожди: они идут беспрестанно, и земля уже не просыхает скоро, как бывало летом. Ветер дует без устали, далеко разнося созревшие семена деревьев и трав и доставляя мальчику удовольствие высоко запустить бумажного змея.

Лист на деревьях начинает кое-где желтеть еще в конце августа; в сентябре вы замечаете, как на березе, все еще зеленой, появляются там и сям совершенно желтые, золотистые ветки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла их мимоходом. Первая распустилась береза, она же первая начинает желтеть. С каждым днем все больше и больше становится желтых листьев. Еще два-три дня – и трепетная осина стоит вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенний ветер срывает и это последнее убранство: крутя в воздухе легкие, высохшие листья, устилает ими мокрую землю.

Поля мало-помалу пустеют, даже копны хлеба уже свезены, и только высокие стога сена, обнесенные плетнем, остаются зимовать на лугах. Цветы исчезли, и пожелтевшая, перезревшая трава, где ее оставили, клонится к земле и как будто просит снега. Одна только озимь подымается ровным, зеленым бархатом. Но этим молодым, запоздавшим побегам суждено скоро погибнуть. Зато корешки хлебов сохраняются невредимо под снегом и весной выглянут снова на Божий свет зелеными стебельками.

Все глохнет, пустеет, темнеет, теряет яркие цвета лета и приобретает однообразный, грязноватый, серый вид осени. В это время природа похожа на усталого, много поработавшего человека, которого одолевает сон. Еще пройдет несколько дней,

и она, закрывшись пушистым белым одеялом, заснет на целую зиму.

Отлетные птицы одни за другими собираются в дальний путь. Первые поднимают тревогу ласточки, и еще в конце августа они вдруг исчезают; они чувствуют приближение осени, и ранний отлет этих птичек предсказывает раннюю зиму. Потом потянутся с севера на юг длинные вереницы журавлей, уток и гусей. С криком, то длинной цепью, то углом, с передовым впереди, улетают от нас летние гости. Леса редют, затихают и пустеют; только тяжелая мокрая ворона каркает, усаживаясь на обнаженную ветку, да галки с отчаянным криком носятся стаями.

Вот уж и деревья стоят все голые, только на рябине висят ее красные гроздья, дожидаясь мороза. Пусто, глухо и в полях и в лесах. Земля, почернелая, грязная, пропитанная дождем, смотрит уныло под свинцовым небом: хоть бы снег поскорее закрыл ее неприятную наготу. Появляется и снег; но долго еще он не может удержаться и, оставшись иногда на несколько часов, снова исчезает.

Работы у крестьянина осенью заметно убывает; но все же он не остается без дела. В начале осени нужно пахать и боронить и засеивать озимые поля; потом надо свозить хлеб с полей в риги; телеги, спрятавшиеся под тяжелыми снопами, скрипят по всем дорожкам. Свезши хлеб, надобно его сушить в овине, а потом молотить. Удары молотильных цепов с раннего утра до позднего вечера слышатся осенью на гумнах. Намолотивши зерна, крестьянин складывает его в мешки и спешит на мельницу. Если же он не молотит и не сидит на мельнице, дожидаясь очереди, то, наверное, с топором в руках, поправляет что-нибудь около своей избы. Женщины мочат и потом треплют коноплю, чешут лен и готовят себе прядево на долгие зимние вечера.

Но все же осенью работы, сравнительно с летом, гораздо менее, и крестьянин спешит повеселиться. Осенью праздников много: крестьянские свадьбы устраиваются всегда в эту пору года, когда дела меньше и всякого добра много. Везде варят пиво, и

веселые, подгулявшие толпы ходят в гости из избы в избу, из деревни в деревню. Сильно поработал мужичок за лето: надобно же ему отдохнуть и повеселиться.

В городах тоже заметна осень. Без зонтика, шинели и калош нельзя выглянуть на улицу. Сверху моросит мелкий, холодный дождик; с мокрых блестящих крыш каплет вода. Нога скользит по обмокшему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшие заборы смотрят уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестах. Везде моют окна и вставляют двойные рамы. В комнатах становится темно и глухо. Уличного шума не слышно; а по вечерам свистит и завывает в трубах ветер, нагоняя тоску. Но зато осенью же начинаются в столицах и больших городах театры, концерты и собрания. Только все это идет как-то вяло, пока веселый снег не забелеет на улицах и не ляжет санная дорога. Тогда все проснется и зашевелится. Яркий огонек затрещит в печи, дым столбами подымается из труб, снег заблестит бриллиантовыми искорками, бодро побежит лошадка, сани заскрипят, разругаются и лицо старика: весело покатится зимняя русская жизнь!

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

✖ Загрузка...

Рассказ Константина Дмитриевича Ушинского. Лето

В начале лета бывают самые долгие дни. Часов двенадцать солнце не сходит с неба, и вечерняя заря еще не успевает погаснуть на западе, как на востоке показывается уже беловатая полоска – признак приближающегося утра. И чем ближе к северу, тем дни летом длиннее и ночи короче.

Высоко-высоко подымается солнышко летом, не то что зимой; еще немного повыше, и оно стало бы прямо над головой. Почти отвесные лучи его сильно греют, а к полудню даже и жгут немилосердно. Вот подходит полдень; солнце взобралось высоко на прозрачный голубой свод неба. Только кое-где, как легкие серебряные черточки, видны перистые облачка – предвестники постоянной хорошей погоды, или вёдра, как говорят крестьяне. Выше уже солнце идти не может и с этой точки станет спускаться к западу. Точка, откуда солнце начинает уже склоняться, называется полднем. Станьте лицом к полудню, и та сторона, куда вы смотрите, будет юг, налево, откуда поднялось солнце, – восток, направо, куда оно клонится, – запад, а позади вас – север, где солнце никогда не бывает.

В полдень не только на самое солнце невозможно взглянуть без сильной, жгучей боли в глазах, но трудно даже смотреть на блестящее небо и землю, на все, что освещено солнцем. И небо, и поля, и воздух залиты горячим, ярким светом, и глаз невольно ищет зелени и прохлады. Уж слишком тепло! Над отдыхающими полями (теми, на которых ничего не посеяно в этом году) струится легкий пар. Это теплый воздух, наполненный испарениями: струясь, как вода, подымается он от сильно нагретой земли. Вот почему наши умные крестьяне и говорят о таких полях, что они отдыхают под паром. На дереве не шелохнется, и листья, будто утомленные жаром, повисли. Птицы попрятались в лесной глуши; домашний скот перестает пастись и ищет прохлады; человек, облитый потом и чувствуя сильное изнеможение, оставляет работу: все ждет, когда спадет жар. Но для хлеба, для сена, для деревьев необходимы эти жары.

Однако ж долгая засуха вредна для растений, которые любят тепло, но любят и влагу; тяжела она и для людей. Вот почему

люди радуются, когда набегут грозовые тучи, грянет гром, засверкает молния и освежительный дождь напоит жаждущую землю. Только бы дождь не был с градом, что иногда случается среди самого жаркого лета: град губителен для поспевающих хлебов и лоскомкладет иное поле. Крестьяне усердно молят Бога, чтобы града не было.

Все, что начала весна, доканчивает лето. Листья вырастают во всю свою величину, и, недавно еще прозрачная, роща делается непроглядным жилищем тысячи птиц. На заливных лугах густая, высокая трава волнуется, как море. В ней шевелится и жужжит целый мир насекомых. Деревья в садах отцвели. Ярко-красная вишня и темно-малиновая слива уже мелькают между зеленью; яблоки и груши еще зелены и таятся между листьями, но в тиши зреют и наливаются. Одна липа еще в цвету и благоухает. В ее густой листве, между ее чуть белеющими, но душистыми цветочками, слышен стройный, невидимый хор. Это работают с песнями тысячи веселых пчелок на медовых, благоухающих цветочках липы. Подойдите ближе к поющему дереву: даже пахнет от него медом!

Ранние цветы уже отцвели и заготавливают семена, другие еще в полном цвету. Рожь поднялась, заколосилась и уже начинает желтеть, волнуясь, как море, под напором легкого ветра. Гречиха в цвету, и нивы, засеянные ею, будто покрыты белой пеленой с розоватым оттенком; с них несется тот же приятный медовый запах, которым приманивает пчел цветущая липа.

А сколько ягод, грибов! Словно красный коралл, рдеет в траве сочная земляника; на кустах развесились прозрачные сережки смородины... Но возможно ли перечислить все, что появляется летом? Одно зреет за другим, одно догоняет другое.

И птице, и зверю, и насекомому летом раздолье! Вот уже и молоденькие птички пищат в гнездах. Но пока еще у них подрастут крылья, заботливые родители с веселым криком снуют в воздухе, отыскивая корм для своих птенцов. Малютки давно уже высовывают из гнезда свои тоненькие, еще худо оперившиеся

шейки и, раскрыв носики, ждут подачи. И корму довольно для птиц: та подымает оброненное колосом зерно, другая и сама потреплет зреющую ветку конопли или почнет сочную вишню; третья гонится за мошками, а они кучами толкуются в воздухе. Зоркий ястреб, широко распустив свои длинные крылья, реет высоко в воздухе, зорко высматривая цыпленка или другую какую-нибудь молоденькую, неопытную птичку, отбившуюся от матери, – завидит и, как стрела, пустится он на бедняжку: не миновать ей жадных когтей хищной, плотоядной птицы. Старые гуси, гордо вытянув свои длинные шеи, громко гогочут и ведут на воду своих маленьких деток, пушистых, как весенние барашки на вербах, и желтых, как яичный желток.

Мохнатая, разноцветная гусеница волнуется на своих многочисленных ножках и гложет листья и плоды. Пестрых бабочек порхает уже много. Золотистая пчелка без устали работает на липе, на гречихе, на душистом, сладком клевере, на множестве разнообразных цветов, доставая всюду то, что ей нужно для изготовления ее хитрых, душистых сотов. Неумолкающий гул стоит в пасаках (пчельниках). Скоро пчелкам станет тесно в ульях, и они начнут роиться: разделяться на новые трудолюбивые царства, из которых одно останется дома, а другое полетит искать нового жилья где-нибудь в дуплистом дереве. Но пасечник перехватит рой на дороге и посадит его в давно приготовленный для него новенький улей. Муравей уже много настроил новых подземных галерей; запасливая хозяйка белка уже начинает таскать в свое дупло поспевающие орехи. Всем приволье, всем раздолье!

Много, много летом работы крестьянину! Вот он вспахал озимые поля и приготовил к осени мягкую колыбельку хлебному зерну. Еще не успел он кончить пахоты, как уже настает пора косить. Косари, в белых рубахах, с блестящими и звенящими косами в руках, выходят на луга и дружно подкашивают под корень высокую, уже осеменившуюся траву. Острые косы блестят на солнце и звенят под ударами набитой песком лопатки. Женщины также дружно работают граблями и сваливают уже подсохшее сено в копны. Приятный звон кос и дружные, звонкие песни несутся

повсюду с лугов. Вот уже строятся и высокие круглые стога. Мальчишки валяются в сене и, толкая друг друга, заливаются звонким смехом; а мохнатая лошаденка, вся засыпанная сеном, едва волочит на веревке тяжелую копну.

Не успел отойти сенокос – начинается жатва. Рожь, кормилица русского человека, поспела. Отяжелевший от множества зерен и пожелтевший колос сильно понагнулся к земле; если еще его оставить на поле, то зерно станет сыпаться, и пропадет без пользы Божий дар. Бросают косы, принимаются за серпы. Весело смотреть, как, рассыпавшись по ниве и нагнувшись к самой земле, стройные ряды жнецов валят под корень рожь высокую, кладут ее в красивые, тяжелые снопы. Пройдет недели две такой работы, и на ниве, где еще недавно волновалась высокая рожь, будет повсюду торчать срезанная солома. Зато на сжатой полосе рядами станут высокие, золотистые копны хлеба.

Не успели убрать ржи, как пришла уже пора приниматься за золотистую пшеницу, за ячмень, за овес; а там, смотришь, уже покраснела гречиха и просит косы. Пора дергать лен: он совсем ложится. Вот и конопля готова; воробьи стаями хлопочут над ней, доставая маслянистое зерно. Пора копать и картофель, и яблоки давно уже валяются в высокую траву. Все спеет, все зреет, все надобно убрать вовремя; даже и длинного летнего дня не хватает!

Поздно вечером возвращаются люди с работы. Они устали; но их веселые, звонкие песни раздаются громко по вечерней заре. Утром вместе с солнышком крестьяне опять примутся за работу; а солнышко летом встает куда как рано!

Отчего же так весел крестьянин летом, когда работы у него так много? И работа не легкая. Нужна большая привычка, чтобы промахать целый день тяжелой косой, срезывая каждый раз добрую охапку травы, да и с привычкой много еще нужно прилежания и терпения. Нелегко и жать под палящими лучами солнца, нагнувшись до самой земли, обливаясь потом, задыхаясь от жары и усталости. Посмотрите на бедную крестьянку, как она своей

грязной, но честной рукой оттирает крупные капли пота с разгоревшегося лица. Ей даже некогда покормить своего ребенка, хотя он тут же на поле барахтается в своей люльке, висящей на трех кольях, воткнутых в землю. Маленькая сестра крикуна сама еще ребенок и недавно начала ходить, но и та не без дела: в грязной, изорванной рубашонке сидит она на корточках у люльки и старается закачать своего расхोдившегося братишку.

Но почему же весел крестьянин летом, когда работы у него так много и работа его так трудна? О, на это есть много причин! Во-первых, крестьянин работы не боится: он вырос в трудах. Во-вторых, он знает, что летняя работа кормит его целый год и что надо пользоваться вёдром, когда Бог дает его; а не то – можно остаться без хлеба. В-третьих, крестьянин чувствует, что его трудами кормится не одна его семья, а весь мир: и я, и вы, и все разодетые господа, хотя иные из них и с презрением посматривают на крестьянина. Он, копаясь в земле, кормит всех своею тихой, не блестящей работою, как корни дерева кормят гордые вершины, одетые зелеными листьями.

Много прилежания и терпения нужно для крестьянских работ, но немало также требуется знаний и опыта. Попробуйте жать, и вы увидите, что на это надобно много умения. Если же кто без привычки возьмет косу, то не много с нею наработает. Сметать хороший стог сена – тоже дело не легкое; пахать надо умеючи, а чтобы хорошо посеять – ровно, не гуще и не реже того, чем следует, – то даже не всякий крестьянин за это возьмется. Кроме того, нужно знать, когда и что делать, как сладить соху и борону, как из конопли, например, сделать пеньку, из пеньки нитки, а из ниток соткать холст... О, много, очень много знает и умеет делать крестьянин, и его никак нельзя назвать невеждой, хотя бы он и читать не умел! Выучиться читать и выучиться многим наукам гораздо легче, чем выучиться всему, что должен знать хороший и опытный крестьянин.

Сладко засыпает крестьянин после тяжких трудов, чувствуя, что он выполнил свой святой долг. Да и умирать ему нетрудно: обработанная им нива и еще засеянное им поле остаются его

детям, которых он вспоил, вскормил, приучил к труду и вместо себя поставил работниками перед людьми.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

☐ Загрузка...

Рассказ Константин Дмитриевича Ушинского. Весна

День начинает заметно прибавляться еще с половины января; а к 9-му марта он займет уже половину суток. Начало весны потому и считается с 9-го марта. Солнце весной не только дольше остается на небе, но и греет с каждым днем заметно сильнее.

Снег начинает мало-помалу таять, и вода ручейками сбегает с земли в реки и озера. Скоро и лед на реках уступает влиянию лучей солнца. По берегам рек появляются большие полыньи. Пройдет еще с неделю – и весь лед подымется прибывающей водою, почернеет, начнет ломаться, и рыхлые льдины понесутся по течению реки. Воды в реке в это время прибывает столько, что она не может поместиться в берегах: выступает и разливается по окрестным лугам. Разлив рек зовут водопольем. Иная речонка такая маленькая, что летом ее переходили вброд, в водополье разливается на пять, на шесть верст и более. Наша Волга-матушка, в которую вливаются тысячи рек и речонок,

расстиляется весной, словно море. Люди спешат воспользоваться недолгим богатством воды, и большие барки, нагруженные товарами, ходят весной там, где летом чуть не бродят куры.

На полях появляются сначала проталины; но скоро земля, мокрая, пропитанная водою, повсюду показывается из-под снега. Пройдет еще неделя, другая – и снег останется разве где-нибудь в глубоком овраге, куда не заглядывает солнце. Небо становится все синее, а воздух все теплее.

Еще не весь снег сойдет, когда там и сям начнет уже показываться, возле старой пожелтевшей травы, новая, ярко-зеленая травка. На полях, где крестьяне еще с осени засеяли рожь или пшеницу, подымается и зеленеет озимь, словно зеленый бархат. Вместе с травой появляются и первые цветы. Голубенький подснежник пробивается в лесах из-под прошлогоднего листа. Появляется кое-где и желтый одуванчик, тот самый, что со временем наденет свою пушистую белую шапочку, круглую, как шар, и до того легкую, что стоит только на нее дунуть – и она вся разлетится. Деревья также пробуждаются от зимнего сна и, разогретые солнышком, наполняются соками. Если прорубить в это время кору березы или клена, то из-под нее закаплет сладкий и душистый сок.

Почки листьев подготовлены деревом еще с осени. Всю зиму оставались они в одном положении и были едва заметны; теперь же они начинают быстро наливаться, расти, скидать свою коричневую шелуху и разворачиваться в зеленые листья. На вербе появляются пушистые цветы, или барашки. Вы, вероятно, заметили их на вербовых ветках в вербное воскресенье[10]? Потом появляются чуть заметные, липкие и душистые листья березы. Прошло еще дней десять – и кудрявая, ярко-зеленая березка, с белым, опрятным стволом своим, стоит разубранная, будто на праздник: веселая, яркая, душистая. За березой спешит распуститься липа, ольха, дуб. Лапчатые листья клена не заставляют долго ждать себя. Кустарники и деревья друг перед другом спешат принарядиться на праздник весны. Сначала зелень на деревьях кажется жидкой, потому что листочки еще малы, да и

сквозь зеленую яркую траву кое-где просвечивает еще черная земля. Но листочки и трава растут быстро – к маю все зазеленеет: рощи снова станут непроглядными, а на полях запестреют тысячи цветов. Зимой царствует однообразие: все один и тот же снег. Но весной каждый день появляется что-нибудь новое: то проглянет голубенький глазок незабудки; то развернется благоухающая чашечка ландыша, а еще вчера ее не было; то заблестят в зелени беленькие цветочки земляники, из которых к концу весны выйдут сочные, красные ягоды. Вишни, яблони, груши покрываются белыми и бело-розовыми цветами. Все празднует весну, все цветет и благоухает.

Не везде весна начинается в одно и то же время. Чем южнее, тем и весна становится раньше. В Крыму уже в феврале рвут цветы, а в Архангельске и в апреле можно отморозить нос.

Птиц, вместе с весной, появляется множество. Первые прилетают грачи и криком своим напоминают, что весна началась. Они появляются почти всегда около 9 марта. Но вот и жаворонок, поднявшись высоко в воздухе, запел свою звучную песню. Быстрые, острокрылые ласточки прилетают несколько позже. Скворцы, дрозды, кулики, дикие голуби, кукушки появляются одни за другими и населяют поля, леса и рощи, недавно еще безмолвные.

Высоко в воздухе тянутся с юга на север стаи журавлей, диких уток, гусей и лебедей. Скоро и соловей начнет свою звонкую песню. Одни из этих птиц, дикие гуси, журавли, лебеди, летят далее; другие остаются у нас на все лето; те, которые остаются, принимают вить гнезда: носятся, кричат, трудятся, собирают сухие веточки, солому, мох, траву.

Хлопотливые муравьи, пестрые бабочки, неуклюжие жуки, а потом несносные комары и мошки, тысячи самых разнообразных, летающих и ползающих насекомых выходят на свет Божий. Трудолюбивая пчелка, проспавшая долгую зиму в теплом улье, просыпается, покидает свою восковую келью и летит собирать сладкий мед с цветов.

В зверином царстве заметно меньше перемен. Диких зверей вообще можно видеть редко. Но зато нельзя не видеть, как рад весне домашний скот. Простояв долгую зиму в хлевах, лошади, коровы, овцы весело выбегают в поле, и пастуху не приходится долго вызывать их из дома своей длинной трубой.

Рады люди первому снегу, но рады еще более первым цветам. Всякое время года приносит свои удовольствия и свои заботы. Двойные рамы вынимают в домах; свежий воздух и яркий свет врываются в комнату. Звуки с улицы, которых целые полгода не было слышно за двойными стеклами, раздаются громко. А для крестьян сколько предстоит работы! Но они работы не боятся. За зиму хлеб, овес, сено и даже солома – все переведется: одно на пищу людям, другое на корм скоту. Надобно приниматься за работу, чтобы было что есть к будущей осени и зиме.

Исправляет крестьянин телегу, ладит борону и соху и, когда земля немного пообогреется и пообсохнет, едет в поле. Он пашет, боронит поле и сеет на нем яровое, что должно быть посеяно и собрано в одном и том же году: овес, гречиху, ячмень, просо. В огородах копают гряды, сажают картофель, лук, горох, бобы, капусту; сеют коноплю, свеклу, морковь, репу. В столицах люди достаточные переезжают на дачи, где садовники устраивают клумбы, сажают и сеют цветы. Радует весна и бедняк: слава Богу – стало теплее! Божье солнышко светит для всех даром, для всех одинаково; дров нужно меньше, и худое платье сноснее.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 3. Рейтинг: 2,67 из 5)

☐ Загрузка...